

ДЖЕЙ УИНТЕР

ВОЙНА, ПАМЯТЬ, ВОСПОМИНАНИЕ¹

Статья представляет собой авторское введение к книге «Вспоминая войну: Первая мировая между памятью и историей в двадцатом веке». Она посвящена анализу «мемориального бума» XX века – широкого спектра коллективных и культурных репрезентаций военного опыта и свидетельств жертв войны. Ключевым понятием при этом становится «историческое воспоминание» – специфический жанр проработки прошлого, публичного посредничества в трудном диалоге между историей и памятью. Начиная с увлечения проблематикой памяти в начале XX века, автор рассматривает изменение коммеморативных практик под влиянием первой мировой войны, которая задала социальные рамки и культурные формы репрезентации военного опыта не только для «потерянного поколения» ее участников, но и для их потомков.

Ключевые слова: коллективная память, историческое воспоминание, свидетельство, жертвы войны, практики коммеморации

В этой работе предлагается интерпретация того, что я называю «бумом памяти» в XX веке – того расцвета интереса к феномену памяти как в академических кругах, так и за их пределами, который породил широчайший спектр коллективных размышлений о войне и о жертвах войны. Разумеется, данный текст не может охватить полностью столь обширный предмет: источники этого «бума» предельно гетерогенны, однако многие из них, как мне кажется, снова и снова возвращают нас именно к теме войны и ее последствий. Первоначальный импульс этого «мемориального проекта» возник в 1914–1918 гг. Образы, языки, социальные практики, возникшие во время Первой мировой войны и сразу после нее, во многом определили те формы сознания, в которых затем воображались и вспоминались конфликты последующие. Именно в этом смысле я говорю о выживших в Великой войне как о первом (хотя и не в последнем) «поколении памяти» в XX веке.

Отталкиваясь от концепции «коммеморации», развитой в предыдущих работах², я рассматриваю широкий спектр означающих практик, связывающих историю и память для тех, кто пережил потрясения первой половины XX в. Каковы режимы (модусы) их коллективной памяти, если понимать её как активную деятельность социальных групп в публичном пространстве? С помощью каких средств они инициировали свои собственные воспоминания и передавали их тем, кого не было на месте событий? Таким «спусковым механизмом» становились фотографии, письма солдат; ту же функцию выполняла поэзия, военные романы и пьесы. Эти формы коммеморации обсуждались одновременно с другими проек-

¹ Перевод выполнен с любезного разрешения автора по изд.: Winter 2006. P. 1-13.

² War and Remembrance in the Twentieth Century. Esp. ch. 1.

тами, непосредственно связанными с военными потерями: сооружением разного рода военных мемориалов или попытками вплести семейную историю в национальную. И в историю имперскую, поскольку семьи империй в течение некоторого времени разделяли общие паттерны памяти.

В следующей части книги, озаглавленной «Театры памяти», анализируются кино, телевидение, музеи, а также судебные процессы над военными преступниками – они рассматриваются в качестве символических площадок, где время от времени (даже годы спустя после прекращения военных действий) социальные группы или отдельные лица пытаются договориться о дистанции между Историей и Памятью в их восприятии и репрезентации войны. Это те самые пространства, в рамках которых следующие поколения смотрят в прошлое не сквозь призму личных воспоминаний, но через публичные репрезентации памяти участников минувших событий.

Большая часть свидетельств, цитируемых далее, относится к Первой мировой войне. Это представляется естественным и неизбежным, поскольку за пределами США общепризнано, что Великая война запустила процессы, которые позднее породили не только Вторую мировую войну, но и те формы, в которых современники понимали и осмысливали ее. Именно такой смысл я вкладываю в термин «Великая война». Ибо она придала мощнейший импульс и произвела источники последовавшего затем «бума памяти», а кроме того, ещё и весь комплекс страхов и представлений, с которым мы живем по сей день, и с которым (если принять во внимание брутальный, полный насилия ландшафт современности) наши дети и внуки едва ли смогут распрощаться в обозримом будущем.

В XX в. было несколько «поколений памяти». Я начинаю изучение ландшафта памяти с периода до 1914 г., а затем в первой части книги исследую мемориальную культуру как многоаспектный социальный проект времен Первой мировой войны. Вторая мировая и Холокост во многом продолжили, а отчасти драматическим образом трансформировали иконографический характер воспоминания/поминовения. Эта тема исследована глубоко и многосторонне³. Тем не менее, представляется очень важным осознание того, до какой степени тень Великой войны нависает над всеми последующими формами коммеморации в Европе и во всем мире⁴.

Память и Воспоминание (поминовение)

Всякий, кто рискует исследовать данную область, должен прежде остановиться на некоторых ключевых понятиях, имеющих для дискуссии о воспоминании принципиальное значение. Один из первых спорных терминов – *память* (memory). В одной из работ мы вместе с Эммануэлем Сайваном предложили перейти от термина *память* (дабы

³ Один из лидеров исследований в данной сфере – Джеймс Янг. Его работы содержат обширную библиографию: *Young* 1993; *The Art of Memory* 1994; *Young* 2000.

⁴ См.: *Bartov O.* 2000.

избежать его банализации и включения в него всех способов взаимодействия с прошлым, личного или коллективного) к термину *воспоминание* (remembrance)⁵. Преимуществом термина *воспоминание* представляется акцент на активности действующего агента, важность вопроса: кто вспоминает, когда, где и как? Кроме того, он предполагает осознание брэнности, мимолетности коммеморации, столь зависимой от слабостей и привязанностей тех мужчин и женщин, которые решились потратить на воспоминания свои время и силы.

Достижения когнитивной психологии укрепляют нашу убежденность в том, что сам акт припоминания прошлого – это динамический процесс, зависящий как от представлений о будущем, так и от образов прошлого⁶. Ключевым здесь является представление о том, что память есть продукт множества импульсов, скомбинированных в виде коллажа, либо нечто вроде аппроксимации прошлого события. Шактер замечает, что наши воспоминания не носят фотографического характера, не являются моментальными снимками прошлого. Напротив, «мы воссоздаем или реконструируем наши переживания, наш опыт, а вовсе не получаем их копии. Нередко в процессе реконструкции мы добавляем, встраиваем в нее чувства, убеждения, а иногда даже знания, полученные уже после событий. Другими словами, в наших воспоминаниях о прошлом мы предвзяты: порой мы наделяем их эмоциями или знаниями, которые приобрели позднее»⁷. Таким образом, фундаментальной предпосылкой данного исследования является подход, который предполагает неустойчивый, пластичный, синтетический характер памяти, подверженной постоянным изменениям и переоформлению.

Коллективная память и память коллективов

Коль скоро индивидуальная память является скорее процессом, чем продуктом, то для нас важен акцент на свидетельствах этого процесса, когда мы сталкиваемся с воспоминаниями группы людей, пытающихся воспроизвести некие аспекты реальности прошлого. Чаще всего «коллективная память» (термин, небрежное использование которого я критикую в своей книге) – это не память каких-то больших групп. Государства не помнят; помнят отдельные люди, взаимодействуя с другими людьми. Если термин «коллективная память» вообще имеет какой-нибудь смысл, то это – процесс, посредством которого различные коллективы (от групп из двух участников до групп численностью в тысячи), вовлекаются в акт совместного воспоминания. Когда такие люди теряют интерес, или время, или перестают действовать по любой иной причине; когда они уезжают или умирают, – всё «коллективное» растворяется, и то же самое происходит с коллективными актами памяти. Именно это имел в виду

⁵ War and Remembrance 1999.

⁶ Tulving E., LePage M. 2000. P. 209ff.

⁷ Schacter D.L. 2000. P. 9ff.

Морис Хальбвакс, когда писал свою важнейшую работу «Les cadres sociaux de la mémoire» в 1925 г.⁸

Термин «коллективная память» (словно бы предуготовленный обозначать практически все что угодно) и его безалаберное употребление едва ли на каждом углу в гуманитарных науках убедили меня в необходимости избегать этого словосочетания везде, где только возможно. Термин «коллективное воспоминание» – совсем другое дело: он указывает на время и место, на сам процесс фиксации свидетельства, позволяющие нам понять, что именно пытаются сделать группы людей, когда они действуют на публике, стараясь воскресить прошлое.

Безусловно, бывают и исключения. Некоторые события настолько ошеломительны и болезненны, что люди, сравнявые рассказы о них, обращают внимание на то, где были они лично, когда произошли эти события. Кажется, будто у каждого есть «коллективная память» о том дне, когда был убит Джон Кеннеди, или о землетрясении в Сан-Франциско 1987 г., или об атаке 11 сентября 2001 г. Однако помимо этих судьбоносных дат, которые становятся знаковыми практически мгновенно и охватывают огромные массы населения благодаря СМИ, существует множество иных событий, имеющих огромное значение для больших групп людей, но не значащих ничего для их соседей. Армяне вспоминают геноцид 1915 года в конце апреля, когда начались массовые убийства и депортации, но дата 24 апреля не имеет практически никакого значения для большей части народов и социумов, среди которых они живут. Австралийцы отмечают 24 апреля как День Ветеранов (Anzac day), англикане – как праздник Св. Георгия. Где, в таком случае, «коллективная память» этой даты? Она залегает в тех актах воспоминания, малых и больших, которые совершают различные коллективы в разное время.

История и память

Некоторые из этих актов являются результатом работы профессиональных историков; но не большинство. История – профессия, предполагающая определенные правила в отношении свидетельств и их публикации, рецензирования и т.д. Память представляет собой процесс, отличный от истории, хотя и не изолированный от нее. Все историки оставляют в своих работах следы собственного прошлого, собственных воспоминаний. И обычные люди, вовлеченные в процесс воспоминания, также читают историю и интересуются ей. Иногда они как бы переписывают свои воспоминания, чтобы соответствовать истории; в других случаях они, напротив, уверены, что их рассказы правдивы, а вот историки, которые говорят иначе (какие бы свидетельства они ни приводили), не правы. История и память просачиваются друг в друга, влияют друг на друга и создают очень живучие, а иногда и плодотворные несовместимости. В своей книге я рассматриваю историописание и преподавание истории в

⁸ Подробнее см.: *Becker* 2003.

качестве акта коллективного воспоминания, но акта принципиально отличного от других, в силу тех правил, которые его регулируют. История – это не просто память со сносками; а память – не просто история, лишенная сносок. Практически во всех актах воспоминания история и память переплетаются в публичном пространстве и оказывают совместное информационное воздействие на наше изменчивое понимание прошлого.

Свидетели и жертвы войны

Тема войны доминирует в рамках «мемориального бума» по целому ряду причин. Не только раны и драмы войны сами по себе, но и её разрушительная, подобная землетрясению сила подпитывали «бум памяти». «История войны» рассказывалась и передавалась множеством институций и средств массовой информации – для таких огромных и разношерстных аудиторий, которые прежде нельзя было и вообразить. Военные музеи привлекают огромное число посетителей во Франции, Великобритании, Австралии и других странах. Телевизионные сериалы о войне смотрят миллионы зрителей. Во множестве появляются интернет-сайты. Множатся биографии и другие публикации о войне, зачастую написанные авторами, далекими от академической среды. В этой волне «мемориального бума» историки остаются скорее попутчиками, но никак не проводниками.

Нарративы о войне изменились в самый разгар «бума памяти», что позволило объяснить его быстрое распространение. Теперь уже не генералы и адмиралы, и даже не солдаты и матросы становятся главными героями в рассказах о войне. Такими героями стали жертвы войны, все большую часть которых стало составлять гражданское население. Если изначально «бум памяти» фокусировался на фигурах воевавших или погибших, то теперь это не так. Женщины перемещаются в центр актов воспоминаний, поскольку война как бы перебирается с театра военных действий в пространство жизни гражданской. Война соединяет семейную историю и историю мировую – надолго и зачастую беспощадно. Именно поэтому женщины, как и мужчины, сами теперь выстраивают историю, распространяют и «потребляют» её. Женщины присоединяются к мужчинам в формировании нового класса исторических акторов, обозначаемых сегодня термином «свидетели», т.е. люди, которые были там, люди, которые видели войну с близкого расстояния, люди, чьи воспоминания являются частью исторической летописи. Их свидетельские показания документируют преступления, которые они видели; но помимо этого сами их рассказы и то, как они рассказывают на публике, становятся подлинным историческим событием.

В этой книге я стараюсь внимательно следить за переменными значениями понятия «свидетель». Само собой, свидетели существовали и до того, как суды над военными преступниками предоставили им возможность рассказать свою историю, но распространение таких трибу-

налов после Второй мировой войны легитимизировало их. Вместе с прокурорами и судьями они создали новый театр исторического воспоминания – трибунал. Эти процессы вышли за рамки военной юстиции, в которых солдаты и поныне преследуются за нарушение правил или законов войны. Причем обновлена была не только форма, в которой проходили эти трибуналы. В некоторых случаях (например, в Южноафриканской Комиссии по установлению истины и примирению) показания лиц, совершивших преступления, освобождали их от наказания, которое они понесли бы, если бы дело рассматривалось в обычном уголовном суде. Истина – в смысле буквальном, восходящем к религиозным традициям, делала их свободными. В этом особом случае воспоминание, если оно честно и публично озвучивалось, становилось средством покаяния, примирения, а, возможно, и прощения.

Но в еще большей степени, нежели преступники, в том, чтобы найти своего рода утешение и способ продолжать жить со своими воспоминаниями, нуждались жертвы. Именно по этой причине сегодня столь широк и разнообразен круг терапевтических сообществ, работающих в сфере памяти. Психологические и психиатрические практики и культуры питаются из множества источников, но один из них связан с памятью войны особенно тесно. Многие свидетели, жертвы войны и репрессий, несут следы своих травм в области подсознательного. Некоторые психологи и культурологи называют это *травматической памятью*. Во время Первой мировой войны армейские врачи определяли такие нарушения как «артиллерийский шок» [shell shock]; их преемники в 1939–1945 гг. – как «нервное истощение от боя» [combat fatigue]. После войны во Вьетнаме этот синдром был официально признан посттравматическим стрессовым расстройством (ПТСР). Число людей, получивших такие травмы, росло: сначала это были войска, подвергшиеся артобстрелу на линии фронта, затем – все, кто участвовал в бою; позднее в эту категорию попали все, кто перенес травматические события, угрожающие жизни, независимо от того, были они солдатами или нет.

Независимо от того, как определяется их состояние, жертвы травматической памяти являются «свидетелями» особого рода. Некоторые из них пребывают в ловушке прошлого, они словно бы обречены проживать его всякий раз, когда что-нибудь вполне тривиальное (запах, тепло, звук) запускает то страшное воспоминание, которое было похоронено в их памяти. Их исторические воспоминания произвольны и несвободны, а их травмы сегодня пытаются излечить врачи и те специалисты, которым удалось продвинуться дальше в понимании природы этого вида памяти.

Едва ли «бум памяти» сойдет на нет в обозримом будущем. С 1945 г. войны трансформировались из конфликтов между государствами в конфликты внутри государств или между группами, которые не функционируют на уровне государства. Распространение этих новых

форм конфликтов породило войны во всех регионах мира. Сегодня воспоминания о своих жертвах – в Северной Ирландии, в Палестине, или во Всемирном торговом центре – практически дело каждого.

Именно по этой причине сфера памяти, можно сказать, перенаселена. Слишком многое нужно помнить, и многое нужно сделать, чтобы помочь жертвам войн, которые по-прежнему окружают нас. С этой точки зрения становится очевидным, что *мемориальный бум* – широкий и гетерогенный комплекс означающих практик, методов понимания того мира насилия, в котором мы живем, и того прошлого, из которого он вышел.

Воспоминание: историческое, семейное, литургическое

Возможно, будет полезно добавить пару слов о феномене, который я назвал историческим воспоминанием. В условиях международных конфликтов, среди которых мы живем сегодня, историки все еще пишут о войне, и множество самых разных людей все еще рассказывает свои личные воспоминания о войне. Между тем, пространство между историей и памятью в значительной степени трансформировалось. В этом промежуточном пространстве пролегает комплекс разнообразных культурных практик, которые могут быть описаны как формы исторического воспоминания. Это поле, изначально сформированное для того, чтобы почтить память Великой войны, на протяжении десятилетий расширялось для осмысления тех потрясений, что последовали за ней, а также для описания миллионов мужчин и женщин, пострадавших в войнах международных и гражданских, в ходе бунтов и переворотов. Присутствие этих свидетелей среди нас (ветеранов войн, выживших жертв Холокоста, индейцев Гватемалы и т.п.) мы не можем сегодня игнорировать.

Чтобы дать полноценную картину этого массива культурной деятельности, потребовалась бы не книга, а целая библиотека. С тем, чтобы очертить карту территории, которую занял «бум памяти», я и предлагаю термин *историческое воспоминание*, что позволит нам понять особенности этих многочисленных практик. Историческое воспоминание, с одной стороны, пересекается с личными или семейными воспоминаниями, а с другой стороны, с памятью религиозной, столь значимой для разного рода сакральных практик. Однако пересекается лишь частично. Историческое воспоминание – это способ интерпретации прошлого, опирающийся в равной степени и на историю, и на память, на документированные нарративы о прошлом и на свидетельства тех, кто через это прошлое прошел. В этой сфере активность проявляют очень многие. И историки отнюдь не составляют здесь большинства.

Зачем же вводится новая категория *историческое воспоминание*? Прежде всего, потому, что два определяющих понятия, которые мы обычно используем, – история и память – не очень надежные проводники в эту область. Для воспоминания, коммеморации, необходима ссылка на историю, но затем возникают рассогласование и оспаривание. Чья

это история, в чьих интересах она написана, на каких источниках? «Мемориальный бум», разумеется, касается истории, но историки вовсе не являются его единственными или хотя бы основными «правообладателями». Что бы ни утверждали историки, свидетели требуют своего права быть услышанными.

Когда в 1995 г. в Смитсоновском Институте в Вашингтоне была представлена выставка «Последний акт: атомная бомба и конец Второй мировой войны» (Enola Gay), скрупулезно выстроенная именно как экспозиция историческая, на нее обрушились, а затем и категорически отвергли бывшие военнослужащие – те, кто «имел свою собственную историю». И эти «свидетели» в конечном итоге победили: выставка была реорганизована. Это не было обычной историей грязного политического давления. Это был настоящий конфликт между «историей» и «памятью», столкновение, возникшее из разности позиций участвовавших в выставке субъектов. Результатом стало своеобразное «историческое воспоминание», сформировавшее пространство для высказываний и тех, и других: как историков, так и тех, чью солдатскую жизнь историки описывали.

Если «истории» непросто выстоять перед натиском «памяти», столь же проблематичным может оказаться и обратный случай. Более трех десятилетий назад я брал интервью у Леонарда Вулфа о его участии в реформировании Лейбористской партии в Великобритании в 1918 г. Он участвовал в ключевых встречах, а также во всех дискуссиях, стенограммы которых я только что прочел. Когда я спросил его о том, что происходило, его рассказ оказался полон фактических ошибок: неверные даты и места, не те люди и решения. При этом сами по себе ошибки даже не были интересны, они лишь прикрывали собой, скрепляли некий альтернативный нарратив. Он просто забыл многое, как происходит со всеми нами. Само собой, все это рассказывалось пятьдесят лет спустя, и ему было гораздо интереснее поговорить о своей жене, Вирджинии Вулф, что - после некоторого времени – оказалось интереснее и для меня тоже. Я не оспаривал его воспоминаний, но из них не мог воспользоваться ничем для написания той истории, которой я занимался. В этом контексте, память сама по себе, в одиночку, сделала бы фиксацию и передачу истории невозможной.

Конечно, историки имеют влияние, но вовсе не такое значительное, как они полагают. Те, кто пытается реконструировать свою «память» о прошлых событиях, нуждаются в историках, чтобы установить общие рамки вероятности событий. С гораздо большей надежностью мы можем установить, чего не происходило, чем то, что имело место; и историки имеют доступ к письменным источникам, которые порой не позволяют людям ошибочно реконструировать прошлое либо лгать о нем. В случае Леонарда Вулфа проблемой было переформатирование прошлого, во многих же других случаях речь идет об умышленном искажении.

Но даже если мы предполагаем самые благородные намерения со стороны всех участников, проблемы, связанные с припоминанием прошлого, гораздо более серьезные. *Память* – категория со своей собственной историей и своими тайнами. Когнитивные психологи и нейробиологи значительно продвинулись в понимании того, как индивиды что-то вспоминают, однако лидеры в данных областях признают, что впереди еще немало важной работы. Насколько же сложнее построить модель или комплекс методов, позволяющих описать, как целые группы людей совместно вспоминают нечто.

А между тем, эти воспоминания окружают нас постоянно. Историческое воспоминание – это дискурсивная сфера, простирающаяся от ритуала до самых разнообразных форм культурной деятельности. Эта сфера отличается от семейных воспоминаний своей способностью объединять людей, которые не имеют никаких иных объединяющих их связей. Она отличается также от литургического воспоминания / поминовения своей независимостью от предписанного религиозного календаря и освященных ритуальных форм. И все же историческое воспоминание содержит в себе некие свойства семейного и священного. Когда все эти три формы сливаются воедино, как в некоторых известных военных мемориалах (например, Мемориал ветеранов Вьетнама Майи Лин в Вашингтоне), историческое воспоминание становится силой, неподвластной времени.

Употребление термина *историческое воспоминание* имеет и другие преимущества. Оно помогает нам избежать ошибок апеллирования к памяти как некоему смутному облаку, которое существует вне носителя и не предполагает какой-либо работы, а также обращения к истории как к некой объективной фабуле, которая существует вне людей, о чьей жизни она повествует. У историков тоже есть воспоминания, но их выбор сюжетов редко бывает случайным. Они тоже являются составной частью «мемориального бума», хотя и не основной его частью. Когда они присоединяются к мужчинам и женщинам, которые собираются, чтобы публично вспомнить прошлое (их прошлое), историки выстраивают некий нарратив, который представляет собой не только «историю», и не только «память», но повествование, которое содержит свойства и того, и другого. То, что они делают, как раз и есть историческое воспоминание, и тем самым соучаствуют в «буме памяти», который простирается далеко за пределы исторической профессии.

Ситуации совместного припоминания, наряду с актами свидетельства и исцеления, – это наиболее публичные черты «бума памяти». Но важно также отметить, что практически любая грань гуманитарной сферы пронизана стихией памяти, она, по сути, является вездесущей. И в этом нет ничего удивительного. Исследования культуры давно отказались от устаревшего разделения между политикой и искусством. И то, и другое – часть общественной дискуссии по важнейшим темам современности. «Герника» Пикассо была создана в тишине его мастерской на ле-

вом берегу Сены в Париже, но почти немедленно была перевезена в испанский павильон Всемирной парижской выставки «Искусство и техника в современной жизни» 1937 года. Была ли эта картина личным высказыванием или политическим заявлением? Или одновременно и тем, и другим? То же самое справедливо в отношении «Военного Реквиема» Бенджамина Бриттена, в котором поэзия Уилфреда Оузена была положена на музыку, написанную специально для церемонии освящения кафедрального собора в Ковентри (полностью разрушенном германскими бомбардировками) в 1962 г. Реквием был актом частным или общественным? Конечно, и тем, и другим.

При исследовании аспектов культурной деятельности, которые касаются репрезентации войны во второй части этой книги, повторяется одна фундаментальная тема. Это борьба против забвения, реализуемая в разнообразных социальных практиках, в литературе, искусстве. Дело не столько в том, что многое из истории трудного XX века достойно памяти, но скорее в том, что умерших или пострадавших могут забыть довольно быстро. Картина или стихотворение могут лишь ненадолго отсрочить забвение, и большинство авторов, о чьих работах мы говорим сегодня, были хорошо осведомлены о донкихотской природе своей деятельности. Фотографии или пьесы, стихи или письма – все это лишь фрагментарные следы того мира, который почти исчез и из памяти, и из истории. «Бум памяти», таким образом, может быть понят как своеобразный вызов, акт демонстративного неподчинения, как попытка сохранить живыми по крайней мере имена и образы миллионов, чьи жизни были прерваны или изуродованы войной.

Разумеется, «бум памяти» имеет немало других источников. В книге речь идет исключительно об одном и, по большому счету, ведется с точки зрения европейской истории. В центре внимания – долгая, пространная тень Первой мировой войны. Тень Холокоста и Второй мировой войны требует самостоятельного изучения, что выходит далеко за пределы этой книги. Фабула исторического воспоминания в XX в. гораздо шире, чем та, что излагается здесь, но, чтобы подчеркнуть одну (и только одну) его грань, связанную с Великой войной, следует обратить внимание на те импульсы воспоминания, которые отсылают и к другим событиям. Именно такую задачу автор надеется решить в данном исследовании: попросту открыть двери другим, с тем чтобы они вошли в них и проследовали собственным маршрутом к разным пунктам назначения.

Пер. с англ. А. Хазиной, Ф. Николаи

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Bartov O. Mirrors of Destruction: War, Genocide, and Modern Identity. Oxford: Oxford University Press, 2000. 320 p.*
Becker A. Maurice Halbwachs. Un intellectuel en guerres mondiales 1914–1945. Paris: Agnès Viénot, 2003. 478 p.

- Schacter D.L.* The Seven Sins of Memory: How the Mind Forgets and Remembers. Boston: Houghton Mifflin, 2000. 288 p.
- The Art of Memory: Holocaust Memorials in History / Ed. by J.E. Young. New York: Prestel, 1994. 208 p.
- Tulving E., LePage M.* Where in the Brain is the Awareness of One's Past // Memory, Brain, and Belief / Ed. by D.L. Schacter, E. Scarry. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2000. P. 208-230.
- War and Remembrance in the Twentieth Century / Ed. by J. Winter, E. Sivan. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 272 p.
- Winter J.* Remembering War: The Great War between Memory and History in the Twentieth Century. New Haven & London: Yale University Press, 2006. 340 p.
- Young J.E.* At Memory's Edge: After-Images of the Holocaust in Contemporary Art and Architecture. New Haven: Yale University Press, 2000. 256 p.
- Young J.E.* The Texture of Memory: Holocaust Memorials and Meaning. New Haven: Yale University Press, 1993. 416 p.

Джей Уинтер, почетный профессор Йельского университета, jay.winter@yale.edu

War, memory, remembrance

The article offers an interpretation of the "memory boom" of the twentieth century in terms of a wide array of collective meditations on war and on the victims of war. Drawing on earlier works on the concept of "remembrance," author presents a variety of signifying practices which have linked history and memory. He starts with pre-1914 explorations of the landscape of memory, and then explores remembrance as a multiform social project during and after the First World War, which formed social framework and cultural forms of representation of military experience not only for the "lost generation" of its participants, but also for their descendants.

Keywords: collective memory, historical remembrance, witness, victims of war, practices of commemoration

Jay Winter, PhD, Professor of History Emeritus, Yale University, jay.winter@yale.edu